

Оуэн Риддл Баркер

*Сумасшедшие
фрукты*

Рассказ

Оуэн Баркер

Сумасшедшие фрукты. Рассказ

«Издательские решения»

Баркер О. Р.

Сумасшедшие фрукты. Рассказ / О. Р. Баркер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909435-3

Могут ли фрукты иметь лицо и глаза? Такое привидится только психически больному человеку. А если человек здоров и утверждает, что фрукты и овощи способны ещё и не на такое?! Это выяснит молодой врач, работающий в психиатрической клинике ассистентом доктора Стоуна...

ISBN 978-5-44-909435-3

© Баркер О. Р.
© Издательские решения

Сумасшедшие фрукты

Рассказ

Оуэн Риддл Баркер

*«Игроку всего тяжелее перенести не то, что он проиграл,
а то, что приходится прекращать игру»*

Мадам де Сталь

© Оуэн Риддл Баркер, 2018

ISBN 978-5-4490-9435-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я тогда был молодым специалистом и проходил интернатуру у ещё малоизвестного в то время доктора Самуэля Стоуна, в его психиатрической клинике в Филадельфии, штат Пенсильвания.

Большую часть времени мы, молодые врачи, корпели над стопками папок с описаниями текущих и архивированных историй болезней пациентов нашей клиники: читали, изучали, зубрили – набирались опыта правильно и точно диагностировать болезни. Особенно важным в нашей работе является умение распознать расстройство во время первичных собеседований, или «допросов», как мы их называли, дабы в дальнейшем точно классифицировать заболевание и затем подобрать правильный, а главное – результативный, курс лечения с применением соответствующих лекарственных препаратов. «Особенно важным опытом, – постоянно напоминал нам Стоун, – для точной диагностики расстройства, если таковое будет иметь место, вам послужит практика личной беседы с пациентом, впервые обратившемся за помощью». Потому мы были частыми гостями в кабинете доктора Стоуна, когда он проводил такие беседы с пациентами лично.

Как вчера помню тот день, когда к нам в клинику обратился Луис Родригеш Диаш. Именно я накануне принимал его звонок и записал на приём к доктору. Именно тогда, разговаривая с ним по телефону, я впервые ощутил укол какой-то непонятной мне тревожности, вдруг ни с того ни сего возникшей у меня: появилось ощущение сродни тому, когда возникает ни чем не обоснованное предчувствие какой-то беды. Вроде и голос его был приятным, хотя немного дрожал от волнения, вроде ничего такого странного и необычного в нашем диалоге не прозвучало – обычная формальность: имя, адрес, номер телефона... Но вот почувствовал я во время разговора, что этот пациент привнесёт что-то новое в нашу – либо мою – размеренную жизнь своим появлением. И что-то не радостное. Но что? Жалобу напишет, потому что мы неверно поставим диагноз? А может он в порыве бешенства ранит доктора или, хуже, – он убьёт его? О, нет! Не хотелось бы думать о таком. Что же касается самого Диаша, единственное, что беспокоило его самого больше всего в тот момент, так это анонимность. Он раза четыре за время нашего пятиминутного разговора настоятельно просил о полной конфиденциальности своего визита в нашу клинику.

Луис Родригеш Диаш явился точно в назначенный час. Это был молодой человек двадцати восьми лет. Слегка смуглая кожа лица и кистей рук, плюс лёгкий акцент, выдавали в нём испанское происхождение (как в последствие выяснилось, он был португальцем). Опрятно одетый, аккуратно подстриженный, он на первый взгляд не производил впечатления человека, страдающего психическим расстройством. Лишь напряжённая маска лица и настороженный взгляд выдавали его внутреннее переживание. Ну, а кому удавалось скрыть беспокойство

при посещении кабинета психиатра? Это и понятно: не каждый по своей воле готов прийти к нам самостоятельно, признавая себя, выражаясь языком обывателя, душевнобольным. Тут уж не до улыбок и шутовства. Но Диаш держался молодцом. Строгие тёмные глаза оценивающе осмотрели интерьер кабинета, потом изучили меня и остановились на докторе Стоуне. Психиатр предложил гостю расположиться как тому будет комфортно: на кушетке или в кресле. Диаш выбрал кресло. Сел, стал ожидать вопросов доктора. Моё место находилось у противоположной стены, где я сидел за небольшим столиком, наблюдая за ними сбоку. Это место служило чем-то вроде чайно-кофейного уголка: на нём располагались пачки чая, кофе, сахарница, чашечки и массивная кофе машина, занимающая почти треть всей поверхности стола.

После нескольких дежурных реплик про политику и погоду, доктор, как бы невзначай, перешёл к делу:

– Что вас, мистер Диаш, в столь прекрасный летний день заставило посетить наш угрюмый мир?

Ответ последовал незамедлительно, словно Диаш только и ждал этого момента, когда его спросят об этом. И ответ был столь неожиданный и необычный, что лично меня поставил в ступор:

– Фрукты.

– Фрукты? – переспросил доктор, при этом не поведя и бровью, и не отрывая глаз от журнала, в котором с невозмутимым видом продолжал делать пометки. – Какие фрукты?

– Сумасшедшие, – словно скаут, отчеканил Диаш, и посмотрел на нас, оценивая нашу реакцию. – Сумасшедшие фрукты.

– А как вы определили, что они, гм, того... сумасшедшие? – Только теперь доктор посмотрел на пациента.

– Потому что нормальные фрукты и овощи так себя не ведут...

– А как же, по-вашему, нормальные должны себя вести?

– Нормальные преспокойненько дожидаются на прилавках магазинов, на полках холодильников своей закономерной участи – быть нами съеденными и оказаться в наших животах, не так ли? – Доктор в знак согласия кивнул головой и в то же время пожал плечами, видимо пытаясь уловить ход мыслей Диаша. – Нормальные фрукты не пытаются нанести вред человеку, а тем более его шантажировать... Они не должны так себя вести, они просто не могут вести себя так...

– Как? Как они не должны себя вести? – уточнил доктор. Я, признаться, уже был заинтригован необычным началом беседы.

– Вам может показаться это смешным... Вы небось каждый день выслушиваете подобный бред, что там говорить. Но только у меня не бред, и крыша моя не поехала. Фрукты, доктор, на самом деле сумасшедшие, хотите верьте, хотите – нет.

– Как это проявляется, э-э... – Стоун посмотрел в анкету, – Луис. Позвольте обращаться к вам по имени? – Диаш утвердительно кивнул головой.

– Они пытаются меня убить. – Диаш сглотнул. Стоун оставался невозмутимым, будто к нам через день обращаются с жалобами на свихнувшиеся овощи и нам привычно слышать подобное точно так же, как жалобы на насморк или головную боль.

– Каким образом?

– Разве фрукты могут убивать, доктор? – Диаш, казалось, не слышал вопросов доктора.

Стоун редко уступал своё место, тем более пациенту, и не допускал во время беседы для себя роль второго плана, позволяя кому бы то ни было задавать вопросы ему, а не наоборот. Но тогда он решил подыграть и позволил Луису на время занять роль лидера, что так не было похоже на него, и ответил Луису:

– То, что растения неодушевлённые, мы знаем со школьной скамьи. Наблюдая за ними, можно, конечно, считать, что они живые, что они дышат, растут, развиваются и даже могут

чувствовать негативную атмосферу вокруг себя. Некоторые виды, согласен, опасны и способны нанести вред человеку, потому что ядовиты, но остаются при этом не разумными, что и отличает их от нас, скажу вам откровенно. У растений нет разума, который управлял бы их поведением, а раз его нет, то и повреждён он быть не может априори. То есть, они не могут сойти с ума, так как ума у них нет. По сему они убить человека сознательно не могут. Здоровью навредить – да, на это, конечно, они способны, если долго или неправильно хранятся на складах, в магазинах или в наших холодильниках: портятся, гниют... Но чтобы убить? Нет, это, пожалуй, надо подавиться целой косточкой персика, чтобы стать его жертвой.

На последней фразе Диаш вздрогнул, а до этого более менее уверенный вид его лица сменился маской отчаяния и... страха. Он принялся вглядываться в глаза доктора, пытаясь разгадать: шутит он, смеётся над ним или на самом деле что-то знает про фрукты? Верит ли он ему или только делает вид, что понимает? А может просто подыгрывает, как того требует медицинская этика?

– Значит, всё-таки, могут, – с сожалением, еле слышно, произнёс Луис.

– Но в том контексте, в котором я предположил, – напомнил доктор.

– Доктор Стоун, я понимаю, что выгляжу смешным. – Он виновато опустил глаза, потёр друг о друга вспотевшие ладони. – Да что там! Меня со стороны послушать, точно чокнутый скажут. Аж самому смешно... Но страшно. Мне больше никто не поверит. И поделиться не с кем. А носить в себе, сами понимаете, груз ещё тот. К тому же, я надеюсь, что с подобными случаями вы сталкивались и сможете мне помочь избавиться от Них. – Луис сделал акцент на последнем слове, называя Их – фрукты – одушевлёнными. При этом взгляд его сделался стеклянным, глаза посмотрели сквозь доктора, и там, где-то за спиной психиатра, его отрешённый взгляд застыл в одной точке – в видимой только ему одному параллельной реальности, в том мире, в котором растения умеют говорить и думать, смеяться и плакать, где могут быть добрыми, а могут и убить.

– Итак? – нарушил молчание доктор, «разбуживая» Луиса.

– По большому счёту, мне плевать, поверите вы мне или нет. Я устал от всего этого. Расскажу, а дальше вам решать: посчитать меня идиотом или помочь мне. В любом случае я буду благодарен вам, что выслушаете. Но заранее предупрежу: я – здоров, и ложиться к вам не намерен, так как в этом нет никакой необходимости.

– Что ж, мы вас внимательно слушаем.

– Глупо с моей стороны спрашивать об этом... Но вы мне верите, док?

Сейчас ответ доктора много значил не только для самого Диаша, – он мог серьёзно повлиять на весь ход беседы в целом. Тут необходимо лавировать, блефовать, что угодно, но только не потерять доверие пациента. Если он почувствует не искренность, а фальшь или, хуже того, насмешку, тогда всё – все старания «открыть» пациента будут напрасными, а сам «допрос» потеряет смысл. Река под названием Недоверие навсегда поглотит в своих водах атмосферу искренности и понимания – до человека трудно будет достучаться. В результате: " Простите, господа доктора, что отнял ваше драгоценное время на свою чушь, и прощайте... »

Самуэль Стоун, удручённый таким поворотом событий (он не любил, когда пациент заранее предупреждал, что отказывается от какого бы то ни было лечения), всё же, сдерживая недовольство, спокойным тоном ответил, стараясь Диаша удержать на плаву (на крючке), не позволяя тому утонуть в пучине реки Недоверия:

– Луис, мне трудно судить о вашем здоровье, и, тем более, делать какие-то заключения на основании лишь тех нескольких предложений, которые были вами озвучены. Договоримся так: мы тут затем, чтобы выслушать, понять и, если понадобится, помочь вам. Пока что не понятно, что же с вами происходит. А чтобы во всём правильно разобраться, необходим диалог и доверие. Вы также облегчите нам эту задачу, а заодно и себе, изложив всё по-порядку,

подробно и с самого начала, когда, как вы считаете, всё это с вами началось. Времени у нас достаточно. Итак, Луис, прошу успокоиться, раскрепоститься и всё рассказать. Мы слушаем.

– Спасибо, доктор. Извините, но я очень переживаю. Мне неловко рассказывать это бред. Точнее, я боюсь показаться чокнутым, потому и нервничаю...

Я был весь внимание, как на премьере нового фильма. Лёгкое беспокойство кружилось внутри меня в предвкушении загадочного сюжета картины под названием «Сумасшедшие фрукты». Я наблюдал за Диашем и ловил себя на том, что воспринимаю его как-то двояко. С одной стороны, он не казался мне сумасшедшим. С другой, если на него не смотреть, а только слушать – он точно великий фантазёр, чокнутый писатель либо режиссёр. Тем не менее, воспринимая каждого входящего в наш «храм» клиента сумасшедшим в той или иной степени УЖЕ, я впервые желал, чтобы этот пациент, собирающийся нам рассказать сказку про фрукты, оказался здоров, а сюжет его рассказа был не вымыслом больного сознания, а существующий реально. Согласен: с моей стороны подобные желания могут восприниматься, как отклонение от нормы – ведь я психиатр! Но я же в то время был ещё молод и у меня играло воображение; мне хотелось сказку сделать былью. Плюс ко всему, подогревало то странное неотступающее чувство тревоги... Оно не покидало меня, немного пугало своей загадочностью и... и возбуждало.

Несколько успокоившись, Луис Диаш удобно расположился в кресле, вытянул и скрестил ноги, и вот что нам поведал:

– Началось это летом, три года назад. Как раз свежие овощи и фрукты в продажу пошли. Люсия, жена моя, скупала их тонами, забывая холодильник. Эти женщины, знаете, помешанные на диетах, похудании, весь год сидят на фаст-фуде, а перед наступлением лета за траву и салаты принимаются. В общем, заглянул я тогда в холодильник, достал черешню, отсыпал в миску, вымыл и устроился на диване перед телевизором. Люси с Денни, сынишкой, на прогулке были, ему тогда полгодика было. Так вот. Подавился я тогда. – Диаш потрогал свою шею. – Подавился черешенной. Да так подавился, что думал помру. Эта чёртова ягода мёртво застряла поперёк горла: ни вдохнуть, ни выдохнуть. Ужас. Еле выкашлял. И всё бы ничего, мало ли кто когда и чем давится, не правда ли? Но дело в том, что со мной такое произошло впервые, понимаете? Никогда ничем не давился. И прошу заметить: я не лёжа ел, не разговаривал в тот момент, не прыгал на диване – я спокойно смотрел телевизор и ел черешню, тщательно пережёвывая каждую ягоду и отделяя во рту косточки. Дед мой, помнится, всегда повторял: «Дольше жуёшь – дольше проживёшь». Я до сих пор придерживаюсь этого правила. И всё-таки подавился. Причём, подавился как-то странно. Это сейчас-то мне всё понятно, а тогда я и подумать не мог, что такое может быть на самом деле. Тогда мне показалось, будто не сам по себе я подавился, а... как бы это точнее объяснить? Ну, мне показалось, что черешена специально это сделала. Ведь я даже не успел её раскусить, как она ожила во рту. Я почувствовал, как у неё выросли лапки, дюжина таких, знаете, мохнатых ножек. И цепких. Ещё в голове промелькнуло: а не паука ли я проглотил не глядя! И я почувствовал, как эти лапки скребутся, упираются в нёбо и язык, и черешена протискивается, протискивается к горлу. И до того сильная, тварь, что невозможно было остановить её: лезет и лезет напролом. Вот так мне тогда показалось.

Диаш сделал паузу, облизал пересохшие губы и продолжил:

– Когда отдышался, пришёл в себя, посмотрел на пол: миска, понятно, валялась вверх дном на полу возле тапочек, всюду раскатившаяся черешня. И вдруг вижу – на меня смотрят глазки. Протёр свои глаза – когда подавился, прослезился, – присмотрелся внимательнее к кучке ягод и точно – одна черешена с глазками. Ха! Даже ротик оказался у неё. Смотрит такая на меня, улыбается. А спустя минуту рожица исчезла, и я списал всё на временные галлюцинации, вызванные нехваткой кислорода, когда подавился и задыхался. Такое бывает, я знаю. В детстве дурака частенько валяли: кто дольше всех сможет не дышать, и задерживали дыхание. Потом всегда голова кружилась, и звёздочки в глазах летали. Бывало у вас в детстве? –

Обратился он к нам, на что мы с доктором синхронно пожали плечами. – Вот я и решил, что мне потому и померещились эти глаза у черешни, а во рту был паук вместо ягоды... Забыл об этом инциденте уже к вечеру – ерунда надолго не задерживается в голове, сами знаете. Вот так всё начиналось, доктор.

– Спустя, примерно, месяц, сидел я за столом на кухне, – продолжал Диаш, – жевал что-то. Напротив стояла миска с овощами – жена собиралась приготовить обед после прогулки с Денни. Мельком посмотрев на натюрморт, я различил еле-заметное движение. Присмотрелся – на одном из помидоров виднеются нечёткие очертания рожицы, такой же, как у той черешни, которой подавился.

– Простите, Луис, – перебил Стоун. – Опишите эти рожицы подробнее, чтобы иметь более точное представление.

– Они... ну, как будто карандашом подрисовали два карикатурный глаза, нос – две точки и рот-дугу, растянувшийся от уха до уха. Представляете? Ну не хохма, а? – Диаш обвёл нас вопросительным взглядом, затем подозрительно посмотрел на доктора и, прищутив глаза, поинтересовался: – Вам, похоже, привычно выслушивать такие истории от психов? Вы даже ничему не удивляетесь, не задаёте вопросов...

– Луис, у меня много к вам вопросов, поверьте. – Стоун поднялся со стула, вышел из-за стола. – Если что будет не понятно, я вас переспрошу. Продолжайте, пожалуйста.

– Хорошо. Так вот, помидор значит. В тот момент, помню, я просто рассмеялся. Реакция самозащиты, так сказать, от увиденного иррационального. Я не испугался, нет, а просто смеялся над собой. Не верил своим глазам, потому что не мог дать объяснение этому. Даже достал этот помидор из миски, чтобы лучше разглядеть, нисколько не сомневаясь, что вблизи рожа исчезнет...

– Ну, и... – Доктор обошёл стол и присел на его край напротив Луиса.

– Но рожица не исчезла. И хочу напомнить, док, что я был трезв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.